

КОННОТАЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «БЛУДНЫЙ» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 2 декабря 2016 г.

Аннотация: в статье рассматривается репрезентация библейско-евангельского сюжета о блудном сыне в жизни и творчестве М. И. Цветаевой. Мотив блудного сына / блудной дочери в цветаевской лирике разворачивается с постоянством и в разных вариативных смысловых значениях. Создается стойкое ощущение сознательной или подсознательной идентификации поэта с данным евангельским образом. Лирические произведения отражают переосмысление автором содержательного потенциала библейской притчи.

Ключевые слова: Цветаева; поэзия; контекст; архетип; мотив «блудного сына»; коннотации; художественные и духовные искания

Abstract: the article is connected with an idea of representation of the Bible-Evangel plot on a prodigal son in the life and work of M. Tsvetayeva. The motif of the prodigal son/prodigal daughter in the Tsvetayev's lyrics is constantly developing in different variant meanings. A lasting feeling of a conscious and unconscious identification of the poet with the Evangel image. Lyrical works reflect the author's reconsideration of the contextual potential of the Bible parable.

Keywords: Tsvetayeva, poetry, context, archetype, motif of a «prodigal son», connotations, literary and spiritual searching.

Библейское, преображенное в художественном мире поэта, присутствует в цветаевской поэзии, живет в ее глубине, в стихии подтекста. Марина Цветаева, восприняв библейские образы и сюжеты, презентует разные собственные ипостаси, раскрывает свои душевные состояния, зачастую противоположные. Художественная образность поэтического мира есть отражение бытия в его сложной, текучей, меняющейся целостности. Размышляя об истоках возвышенного и земного у М. Цветаевой, Л. Н. Козлова о цветаевском «Черте» пишет, что мятеж и своеволие и есть ее Черт, который «толкал на все», что духовный путь М. Цветаевой шел через богоборчество [1, 83–84].

Появление в творчестве М. Цветаевой мотива блудного сына неслучайно, оно обусловлено потребностями формирующегося творческого метода, историческими и автобиографическими событиями, идентификацией поэта с евангельским образом. История блудного сына / блудной дочери разворачивается в цветаевской лирике широко и с постоянством. Поэтому можно говорить о своеобразном метасюжете, связанном с евангельской притчей. Цветаева устойчиво развивает поэтическую мысль, лирическое переживание, истоком которого является важная грань сознания поэта, ее мироощущения и лирического самоопределения.

Библейско-евангельский сюжет о блудном сыне – это история человека, вступившего в конфликт с Богом-отцом в ситуации выбора пути, когда происходит избрание героем собственной судьбы через проявление индивидуальности и максимум свободной инициативы. Дальнейший ход событий становится неизбежным и подчиняется уже внеличной необходимости. Судьбу человека отражает возникшее противоречие между волевой инициативой и ее результатом. Это история человека, обретшего духовное единение с Богом. Это история каждого человека в том или ином смысловом варианте, с тем или иным исходом. Это, по большому счету, история всего человечества в символическом значении. Символ «блудный сын» (вариант – «блудная дочь»), несущий в себе генетическую информацию, фиксирует некоторые естественные силы, связанные с проявлением индивидуальности, ее своеволия, в их природной корреляции в нас.

Архетипический сюжет-ситуация заключает в себе ряд смысловых координат, которые открывают простор для многозначности. Координаты смыслового пространства евангельской притчи способны превратить текст сюжета-архетипа в новый, «для которого мерность семиотического пространства резко возрастает» [2, 128].

Цветаевская лирика, если оценивать ее как вариант вечного метасюжета, эксплицитно и имплицитно демонстрирует его смысловую вариатив-

ность. Время-пространство, в котором М. Цветаева творила свою биографию, должны восприниматься и изучаться как пространство контекстов: контекста культуры в целом, контекста литературы и языка в частности, контекстов генетического, мифологического и архетипического. Текст, созданный поэтом, как результат творчества, – естественное продолжение человеческой жизни и одновременно предвидение будущего в биографии. Поэтому в нашей статье за основу берутся два положения: 1) цветаевский текст носит исповедальный характер; 2) библейско-евангельские сюжеты и образы – художественно преобразованные – связаны с живой конкретностью.

В соответствии с первым положением поэт моделирует новую реальность, отчасти созвучную с собственной биографией. В соответствии со вторым – поэт моделирует новую реальность, сохраняющую в себе «знаки» других текстов (библейских, мифологических, культурологических, исторических и др.). И в этом сложном творческом процессе велика роль индивидуально-авторского сознания, опирающегося на память, индивидуальную в сознательном обращении, и память культуры – в обращении бессознательном.

В лирике сюжетом выступает изображение душевных процессов лирического героя и/или автора. Сюжетность как художественная реальность – в сознании автора. Поток сознания отражает различные временные отрезки, зафиксированные в памяти, оценивает события прошлого и настоящего, пытается предсказать будущее. Образы-переживания и событийность формируются «раскрытой точкой зрения» (Л. Я. Гинзбург) авторского сознания / сознания лирического героя, проявляющейся в общем свойстве поэтического мира Цветаевой – монологичности. «Раскрытая точка зрения» и есть акт исповедальности.

Главной «отправной точкой смыслообразования» (Р. Барт) в сюжете-архетипе о блудном сыне выступает определение «блудный», заключающее ряд коннотативных значений: 1) Блудливый, совершающий / совершивший грех; 2) Блуждающий, странствующий, путешествующий, скитающийся, бродяжничающий; 3) Зablуждающийся, ошибающийся.

Мотив блудного сына и его расширенное пространство смыслов в эстетическом контексте оригинального цветаевского творческого замысла не остались некой цитатой библейско-евангельского прообраза, а, работая на этот замысел, неизбежно видоизменились, сохранив основную символику. Через символ «блудный» в цветаевской поэзии (вслед за библейским текстом) реализован дуализм человеческой природы «вещественное / телесное – духовное». Устремленность поэтического сознания к разным воплощениям земного и небесного приобрела в поэзии Цветаевой форму конфликта между

небом и землей, бытом и бытием и отражает сложнейший процесс духовных исканий. А. А. Саакянц отмечает: «...Цветаева предстает перед нами в непередаваемой сложности своего характера, в его неизменной *двоякости*, которая постоянно будет требовать очередной разгадки...» [3, 51]. Цветаева предстает перед нами во всем своем внутреннем беспокойстве, с одинокой мятущейся душой, в творении через поэзию собственной биографии.

Эта тема (тема духовных поисков, воплощения земного и небесного) варьируется в целой «россыпи» ее стихов разных лет, впервые обозначенная в стихотворении 1909 года «Молитва» мыслью «*Я жажду сразу – всех дорог!*» [4, 32], предрекающей разнообразные дороги (в многозначном смысле этого слова) в жизни и творчестве М. Цветаевой. В нем поэтическое сознание 17-летней Цветаевой, жаждущей познаний, смоделировало будущее поэта. В своем поэтическом творчестве Цветаева обращается к мифологическим архетипическим образам как к маскам, метафорическому материалу, подсознательно чувствуя с ними внутреннее созвучие (родство).

Особое значение образа блудного сына / блудной дочери в лирике Цветаевой можно понять только из общего контекста ее поэзии. Понятие «блудный» в творчестве Цветаевой получает многостороннее развитие и имплицитно содержит в себе парадигматические ряды, разворачивающие множество коннотативных смыслов.

Первый ряд. Блудный – блудливый, совершающий / совершивший грех. Тема запретной любви, греха и бунта репрезентирована автором в стихотворениях, поэмах и пьесах через образы лирических героев / героинь и собственные признания в письмах.

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.

– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –

Буду *грешить* – как грешу – как грешила: со страстью!

Господом данными мне чувствами – всеми пытью! (1915) [4, 243]

Так, от века здесь, на земле, до века

И опять, и вновь

Суждено невинному человеку –

Воровать любовь... (1916) [5, 7]

Мне дело – *измена*, мне имя – Марина,

Я – брeнная пена морская... (1920) [5, 220]

Я *великая грешница*, я буду гореть в аду.

Он будет, он будет, он будет меня целовать.<...>

Я – великая грешница, мне прямая дорога в ад (Червонный валет, 1918) [6, 20]

Ты зовешь меня *блудницей*, –
Прав, – но малость пропустил:
Надо мне, чтоб гость был статен,
Во-вторых – чтоб не платил (Четверостишия,
1919-1920) [5, 186]

Неотправленное письмо М. Цветаевой (февраль 1920 г.): «...я одинокий человек – одна под небом – (ибо Аля и я – одно), мне нечего терять. Никто мне не помогает жить, у меня ни отца, ни матери. Ни бабушек, ни дедушек, ни друзей! Я – вопиюще одна, потому – на все вправе. – И на *преступление!*...» [7, 152]

В августе 1923 года отмечен пристальный интерес Цветаевой к евангельским сюжетам, что было вполне закономерно: отношения с Константином Родзевичем вступили в высшую фазу. Перечитывая Евангелие, Цветаева за считанные дни создает цикл «Магдалина», состоящий из 3-х стихотворений и основанный на преобразованном собственным переживанием библейско-евангельском сюжете о земной любви в единстве душевного и телесного. Героиня цикла (грешница – мироносица), в имени которой Цветаевой виделось имя собственное, – один из главных двойников поэта.

Второй ряд. Блудный – блуждающий, странствующий, путешествующий, скитающийся, бродяжничающий. Еще в стихотворении 1910 года «Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке...» Цветаева притягивает свое скитальническое будущее:

Все позволено, все! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,

(Будет много *блужданий-скитаний* среди снега и тьмы!)

Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...

Не ответственны мы! [4, 85]

Неслучайно Марину Цветаеву называют путешественником «по странам, языкам, чувствам, людям, встречам, горю, разочарованию, квартирам, улицам, лесам и паркам» [8, 283–287]. Определение «блудный» в цветаевском поэтическом мире вмещает все эти дополнительные (прямые и метафорические) коннотативные смыслы, репрезентирующие особенности состояний блужданий-путешествий:

А) Через *горизонтальные* физические пространственные блуждания, скитания проходят автор и ее лирическая героиня как *простые смертные*. В 1916–1919 гг. Цветаеву увлекает мотив странничества, бродяжничества, включающий коннотативный смысл «нищенство».

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.

Я – *бродяга*, родства не помнящий,
Корабль тонущий. <...>

Самозванцами, псами хищными
Я дотла расхищена.

У палат твоих, царь истинный,
Стою – *нищая!* (1916) [4, 301]

Небесным странником – мне – *страннице*
Предстал ты. (1916) [4, 258]

Две птицы: чуть встали – поем.

Две *странницы*: кормимся миром. (1918) [5, 107]

Мать с дочерью идем – две *странницы*... (1919)
[5, 179]

Горизонтальный «земной» путь из России в эмиграцию (1922 г., Германия, Чехия, Франция) составил биографический сюжет блужданий, сопряженный с мотивами разочарования, ухода и возвращения, потери и обретения, мотивом «пешего сердца». Несмотря на то, что на Запад Цветаева приехала уже знаменитым поэтом, эмиграция обернулась нищетой, бесконечными мытарствами, ее невмещаемостью в чужом мире (Цветаева не вписывалась в жизнь и в России), потерями и невероятной тоской по родине.

Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани! (1923) [9, 233]

Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в *блудилище*.

Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь

Не отвыкший... Виселиц

Не принявший... В рвани валют и виз

Веги – выходец («Эмигрант», 1923) [9, 163] И т. д.

Из мемуаров князя С. М. Волконского, с которым М. Цветаева была духовно близка, она для себя написала: «С т р а н с т в и я! Чувствуете ли, как в этом слове есть что-то внутренне-необходимое? Это не выдумка человека, это в природе вещей... Изменение пространственных условий – одно из радостей человеческих» [3, 246].

Неслучайно в связи с этим в «Оде пешему ходу» (1931) Цветаева воспекает пешеходство, пишет о своем «пешем сердце», сердце пешехода, устремленном к изменению пространственных условий.

Б) Душевно-духовные блуждания отражают духовные поиски Цветаевой и единения с другими поэтами и ее душевную нестабильность.

Путешествия в «страну» тех, с кем Цветаева общалась и к кому она обращалась как Поэт, – путешествия в мир собеседника (Ходасевич, Пастернак, Мандельштам, Блок, Ахматова, В. Иванов, Гейне, Пушкин и др.). Отсюда – многочисленные поэтические обращения – в Стихах Блоку, Анне Ахматовой, Бальмонту, Брюсову, Байрону, Пушкину, Мандельштаму, Есенину, С. Парнок, Шенье, Маяковскому, Рильке, Волошину, Северянину, Ходасевичу, Гронскому, Кузмину, Пастернаку, Дону Аминадо, Беранже... Стихи, отмечает А. А. Саакянц, – «не что иное, как блуждание поэта в лабиринте человеческой души» [3, 358], хождения души по мытарствам страстей и торжество над ними.

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – *страсть* твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твой седьмое небо (1918) [5, 80]

Не *успокоюсь*, пока не увижу,
Не *успокоюсь*, пока не услышу (1918) [5, 139] и др.

Вертикальные блуждания – свидетельство несогласия Цветаевой с миром, в котором царит мелочное торгашество времени, с убийственной недолжностью миропорядка вообще. В них – отказ от низкого, низменного, земного, устремленность поэта / лирической героини к обретению полноты бытия. Цветаева не вписывалась в жизнь («Ибо *мимо* родилась Времени!» [9, 197], и в своей иностранности тяготела от бытия к небытию, к освобождению от пространственно-временных рамок, от замкнутости рамок тела. Неслучайно В. Смирнов отмечает, что «Цветаева жила не во времени – «Время! Я тебя миную». Она жила во временах» [10, 8], что ей было тесно в литературе и в жизни. «По-другому и быть с ней не могло. Но на всех путях и перепутьях, в буране самосожжения Цветаеву хранил «спасительный яд творческих противоречий», эта родовая купель художника, по Александру Блоку» [10, 12]. А. А. Саакянц пишет: «...Сколько раз говорила Цветаева о ... порыве Поэта – вон, прочь от «земных низостей дней», в свой дом, в небо, первое от земли, начальное небо иного мира... Все ее костры, устремленные ввысь, вся «чистота сгорания»... И как итог всего – «Поэма Воздуха»» [3, 757]. В «Поэме Воздуха» завершается сюжет восхождения к Абсолюту, стремления к союзу с высшей силой, подводится во многом итог духовных исканий Цветаевой в 20-е годы. В выборе варианта смерти, который мысленно Цветаева сделала задолго до своего ухода, также заклю-

чен «сюжет» восхождения к Абсолюту. Но в нем же – противоречивость, двоякость положения. Е. К. Соболевская, размышляя по поводу ухода Цветаевой, пишет: «Отказ от смерти горизонтальной и предпочтение смерти вертикальной... выглядит как прямое устремление вверх – уже-оторванность от Земли, уже-предстояние перед Всевышним. <...> именно в ее лице самоубийство через повешение (пустая форма) доопределяется как явный поворот к Богу. Это своего рода исключительный случай: человек якобы восстает против Бога и тем самым отдаляется от Него, но в итоге оказывается непосредственно к Нему направленным и непосредственно на него уповающим. И, кто знает, может, такой «обратный» путь к Богу есть на самом деле путь прямой?»

При всех наших допущениях, вертикальная смерть в петле, даже если это особый случай, все равно остается смертью богоборческой. И она со всей очевидностью свидетельствует о продолжительной и безысходной драме внутренней жизни человека» [11, 347]. В выборе поэта «не-быть» сопряженными оказываются «вызов Богу, несогласие с миром», «грех самоубийства» и «устремленность к Богу, смиренность и жертвоприношение».

Третий ряд. Блудный – заблуждающийся, ошибающийся.

Цветаева стремится уйти в «единоличье чувств», погрузиться в писание стихов. История диктует «сюжеты» ее чувствам и творчеству, поступки побуждаются временем, обстоятельствами. Кризисность эпохи, особенности исторических событий того времени отражаются в стихотворениях 1917 года через призму личных переживаний автора / лирической героини. Октябрьскую революцию Цветаева не приняла, не поняла и связывала с ней гибель России. Энергия движения, перемен, динамики и нестабильности заключена в произведениях 1917 года. В стихотворении «Мировое началось во мгле кочевье» выражено ощущение мирового хаоса в преддверии революции:

Мировое началось во мгле *кочевье*:
Это *бродят* по ночной земле – деревья,
Это *бродят* золотым вином – грозди,
Это *странствуют* из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – *вспять!*
И мне хочется к тебе на грудь – спать (январь, 1917) [5, 17]

В стихотворении «Над церковкой – голубые облака...» – метафорический образ заблудившейся и заблуждающейся Москвы:

Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон! (март 1917) [5, 25]

В стихотворении «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...» (апрель 1917) [5, 27] – заблуждающееся отечество без Бога. «Страну обид» [5, 178] позже в 1922 г. покинет Цветаева, отправившись в Чехию.

«Стихи к сыну» (1932), написанные в эмиграции, продиктованы глубокой внутренней потребностью воссоединиться с Родиной, вернуть Родину сыну. Цветаева создает образ матери, сомневающейся, но благословляющей сына на странствие и обретение и надеющейся на счастье. Однако надежды, связанные с обретением Родины – дореволюционной Руси, названной в произведении Эдемом, оборачиваются противоположной картиной в судьбе матери и сына. Представления о возможном прекрасном будущем оказываются трагическими заблуждениями [См.: 12, 235–240].

В 1941 году в водовороте обезоруживающего смертоносного исторического катаклизма, в многочисленных попытках устроить бытовую жизнь свою и своего сына, на последнем этапе жизни Цветаева принимает страшное решение во спасение Георгия, считая себя помехой. По концепции Т. М. Геворкян, Марина Цветаева была убеждена, что если она «устранится», сыну помогут гораздо больше, чем при ней, что «только своей смертью она могла, как ей казалось, сподвигнуть чужих людей на усыновление Георгия, только его круглое сиротство давало для этого хоть какое-то основание» [13, 333]. Не заблуждение ли это?

В произведениях М. И. Цветаевой есть и прямые обращения к образу блудного сына (не только сына!) – в стихотворениях «И не плача зря...» (1916, цикл «Версты») (Только в сказке – *блудный / Сын* возвращается в отчий дом [5, 7]), «Ветер звонок, ветер нищ...» (1918) (Только ты, мой *блудный брат*, / Ото рта отводишь яд! [5, 71]), «Нет, с тобой, дружок чудный...» (1918) (Я сдружилась с новым другом, / С новым другом, с *сыном блудным* [5, 129]), «Певец – девушкам» (1920) (*Блудного* – примите – *сына* / В круг отверженных овец: / Перед Господом едино: / Что блудница – что певец [5, 229]).

В прямом обращении к евангельскому образу – цветаевская концепция истории блудного сына / блудной дочери, странствующей и грешной, – концепция невозможности возвращения и покаяния по причине отсутствия той отчизны, той родины, по которой тосковала на чужбине. Возвращаться в «новую страну» не хотела, не могла. А. А. Саакянц пишет: «Дом, чужбина, боль, рок, тридевятая земля – вот какими словами обозначала Цветаева ... родину!» [3, 561].

Трагическая дорога жизни Марины Цветаевой – это, прежде всего, путь к себе, поиски своего места в мире. Этот путь блудной дочери не заканчивается прижизненным духовным единением с Богом-отцом как в евангельской притче, он заканчивается еще более глубоким неприятием и несогласием с божьим

мирозданием. Смягчая нашу излишнюю категоричность, отметим: возможно, это были заблуждения, но это заблуждения великого поэта, обретающего истины в сложнейших духовных и художественных исканиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова Л. Н. «Все вижу – ибо я слепа» (Истоки возвышенного и земного у Марины Цветаевой) / Л. Н. Козлова // Стихия и разум в жизни и творчестве Марины Цветаевой. XII Международная научно-практическая конференция (9-11 октября 2004 года). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 2001.
3. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А. Саакянц. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1997.
4. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т. 1. Кн.1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 336 с.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.1. Кн.2: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 320 с.
6. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.3. Кн. 2: Драматические произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 480 с.
7. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т.6. Кн. 1: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 336 с.
8. Ванечкова Г. «Поезд, которым еду в бессмертие...». Марина Цветаева: проект-путешествие / Г. Ванечкова, Т. Новоселова // «Через сотни разъезжающих лет...» Пространство цветаеведения. Исследования. Популяризация творческого наследия. Материалы Пятых Международных Цветаевских чтений. / Отв. ред. Разживин А. И. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, Изд-во ЕГМЗ, 2011.
9. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / М. Цветаева. – Т. 2: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 592 с.
10. Смирнов В. Стихия стиха / В. Смирнов // Цветаева М.И. Избранные стихотворения. – М.: Эксмо, 2007.
11. Соболевская Е. К. Апология смерти, или Размышления по поводу ухода М. Цветаевой / Е. К. Соболевская // Лики Марины Цветаевой. XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9-12 октября 2005 г.). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.
12. Радь Э. А. История «блудного» сына в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох / Э. А. Радь. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2016. (Глава «Сотворение новой реальности в «Стихах к сыну» М. Цветаевой»).
13. Геворкян Т. М. О двух трагических решениях Ма-

рины Цветаевой (осень 1919 – лето 1941) / Т. М. Геворкян
// Лики Марины Цветаевой. XIII Международная научно-

тематическая конференция (Москва, 9-12 октября 2005 г.).
Сб. докладов. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2006.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Sterlitamak Branch of Bashkir State University

Rad E. A., Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian and Foreign Department

E-mail: elza_rad@mail.ru